

Позже Хань Сюнь выбрал более лёгкий способ.

Он переписал сцену трагедии, а потом посмотрел смешной короткий ролик в интернете.

Эмоции метались между глубокой скорбью и радостью, и наконец тяжёлая тревога в груди была заглушена.

Цзоу Чуньшэн был перспективным сценаристом. Если бы он не заболел, возможно, ему было бы удобнее править сценарий самому. Никто лучше автора не чувствует меру и вес слов, поэтому Хань Сюню приходилось многократно гадать о замысле Цзоу Чуньшэна, стараясь удержать сценарий на верном пути.

Цзоу Чуньшэн хотел показать ценность жизни, но череда смертей вызывала лишь страх.

Хань Сюнь потратил массу времени, но в итоге задал «Спасению века» тёплый тон.

Весь сценарий больше не был пронизан смертью и мраком, как в самом начале.

История осталась прежней: история о движении вперёд ради призрачной надежды, невзирая на цену. Но каждый персонаж в ней нашёл своё место.

Жизнь или смерть — само их существование пробуждало тепло, скрытое подо льдом в человеческой душе.

Хань Сюню очень понравилась концовка оригинальной версии «Бесполезного спасения», где на пустоши расцветали розовые цветы.

Это символизировало безжалостную природу, которая рождала и уничтожала всё по своей прихоти.

Но в своей версии «Спасения века» он специально прописал красную китайскую розу.

Алый цветок, распускающийся так же, как «розы» из магазинов, символизирующие романтическую любовь. Слово единственное красное платье в «Списке Шиндлера» или единственный красный флаг на тёмно-зелёной военной форме.

Лишь это яркое пятно цвета давало возможность среди скорби почувствовать счастье и красоту жизни.

Выбравшись из глубин бездны смерти, Хань Сюнь почувствовал невероятное облегчение.

Он от начала до конца смотрел на исправленный сценарий, и душа его, словно у заключённого, отбывшего срок, кричала от желания поделиться.

Поэтому Хань Сюнь позвонил У Цзяньаню, чтобы договориться о времени, и собрался с новым сценарием к Цзоу Чуньшэну.

Неожиданно выяснилось, что Цзоу Чуньшэн перевёлся в другую больницу.

Всего через день после визита Хань Сюня Цзоу Чуньшэн перевёлся из городской больницы второго уровня в онкологический центр третьего уровня.

У Цзяньань встретил Хань Сюня у входа в больницу и с воодушевлением сказал:

— После того как г-н Сюй узнал о состоянии Чуньшэна, он помог связаться с онкологическим центром, организовал консилиум экспертов и даже подал заявку на отдельную палату для Чуньшэна. Теперь условия лечения и среда намного лучше, и он стал бодрее. На днях у него даже было настроение писать стихи. Учитель Хань, огромное вам спасибо.

Хань Сюнь не ожидал, что Сюй Сымяо займётся благотворительностью.

Он ничего об этом не знал и не мог нагло принять благодарность.

Хань Сюнь сказал:

— Г-н Сюй сделал доброе дело, благодарите его, это ко мне не относится.

У Цзяньань застенчиво улыбнулся и кивнул, не зная, что между ними идёт холодная война. Он просто подумал, что Хань Сюню неловко открыто признавать свои отношения с Сюй Сымяо.

Поэтому он с улыбкой ответил:

— Да, да, я поблагодарю г-на Сюя, а также вас, учитель Хань. Вы оба — большие благодетели для Чуньшэна!

Энтузиазм У Цзяньаня по отношению к благодетелям был тяжело переносим. Весь путь он радостно расхваливал условия онкологического центра, от врачей до тёти из столовой — все получили от него анонимную «карточку хорошего человека».

Для Хань Сюня аппаратура новой больницы действительно была намного лучше.

Коридоры были чистыми и просторными, окна прозрачные, везде было очень тихо.

Зайдя в палату, он с первого взгляда увидел Цзоу Чуньшэна, который сидел на кровати и читал книгу.

Это был сборник стихов Ван Гочжэна, на бледной обороте чётко значилось: «Нет горы выше человека, нет пути длиннее ног».

— Учитель Хань.

Увидев их, Цзоу Чуньшэн отложил книгу, улыбнулся и отбросил одеяло, собираясь встать.

У Цзяньань с волнением подошёл к нему и сказал:

— Лежите, лежите. Вы только начали поправляться, побольше отдыхайте, возможно, удастся выписаться пораньше.

Его слова были чисто утешительными, но на истощённом лице Цзоу Чуньшэна появилась слабая улыбка.

— Если бы можно было выписаться поскорее.

Сказав это, он сел обратно, прислонившись к изголовью. Дни химиотерапии сделали его ещё более измождённым, но духом он был бодр.

В отдельной палате было тихо и чисто, Хань Сюню больше не приходилось обсуждать сценарий на фоне громкой музыки и разговоров.

На этот раз он мог говорить тише, подробно рассказал о своих правках в «Спасении века», а затем оставил сценарий Цзоу Чуньшэну, чтобы тот прочитал его не спеша.

Хань Сюнь сказал:

— Если у тебя возникнут вопросы или мысли, можешь сразу связаться со мной. Это всего лишь черновик, многие детали ещё не успели проработать глубоко. Я постарался сохранить сцены, которые ты хотел выразить, но могли быть упущения. Если хочешь что-то добавить, скажи мне, и мы обсудим вместе.

Это, возможно, был самый снисходительный момент в жизни Хань Сюня по отношению к посторонним. В сценариях, которые он писал, он не менял ни одного слова, будь то режиссёр или актёр, какой бы высоты они ни были, если не могли его убедить. Хань Сюнь ни за что не изменил бы ни единого слова, да и лица хорошего им не показывал.

Теперь он был готов слушать мнение Цзоу Чуньшэна.

Потому что «Спасение века» изначально должно было быть сценарием Цзоу Чуньшэна, а он внёс лишь крошечные, незначительные правки.

Цзоу Чуньшэн взял сценарий и взволнованно кивнул. Он с нетерпением открыл правленную версию Хань Сюня, погружаясь в совершенно новый мир истории.

Он перелистал всего несколько страниц, как вдруг снова поднял голову и смотрел на Хань Сюня с рассеянным видом.

Хань Сюнь нахмурился. Он действительно внёс много изменений в начало, и по выражению лица Цзоу Чуньшэна казалось, что вступление ему не понравилось.

Поэтому он мягко спросил:

— Что не так? Если есть замечания, говори прямо. Сегодня ещё рано, мы можем обсудить всё не спеша.

Цзоу Чуньшэн покачал головой, чувствуя лёгкий ступор.

— Нет, всё правильно, очень хорошо, учитель Хань поправил просто отлично. Только вот это начало... я словно увидел тот самый парящий город, который себе представлял. И эти реплики... они более зрелые, чем в моей оригинальной версии. Именно так должен выглядеть сорокалетний военный!

Пятилетний таймер ожидания обнулится, и всё нужно было начинать с нуля, с базового сценария. Цзоу Чуньшэн словно обрёл новую жизнь, с воодушевлением обсуждая каждую сцену из пера Хань Сюня.

Это были сцены, разработанные Цзоу Чуньшэном, но под правкой Хань Сюня они стали обоснованными и уместными.

Он даже мог представить — группу обычных, ничем не примечательных военных, с высокой дисциплиной шагающих на поле боя, не спрашивая о дате возвращения.

Наверное, он был слишком взволнован, так как его интонация менялась вместе с разными персонажами.

Хань Сюнь впервые видел пациента, у которого от разговоров покраснели щёки. Он выпил несколько больших стаканов воды, но это не могло остановить его импульс продолжать говорить с пересохшим ртом.

Перед уходом Цзоу Чуньшэн выглядел невыносимо жалким, с надеждой в глазах он сказал:

— Учитель Хань, если будет время, давайте поболтаем о сценарии. Не об «Спасении века», так о чём-нибудь другом.

Получив признание от сценариста-оригинала, Хань Сюнь наконец освободился от самобичевания. Превратить трагедию в хэппи-энд было жаль, но возбуждение Цзоу Чуньшэна не было фальшивым, и на душе у него стало легче.

Он попрощался с У Цзяньанем и неспешно пошёл по улице за больничной стеной, не планируя ловить такси в отель.

Целый день, запертый в номере, он давно не чувствовал суеты людских потоков на улице.

Вдоль улицы бесконечно текли машины, по обочинам стояли узкие уличные фонари-витрины, а реклама лечения бесплодия и пластической хирургии заняла всю улицу. Пройдя чуть дальше, он даже увидел постер «Я не хочу работать», одиноко приклеенный в никому не нужном фонаре, верхний правый угол которого слегка заворачивался — было видно, что обслуживающему персоналу было лень его снимать.

Хань Сюню стало очень интересно.

Бесцельная ходьба расслабила его напряжённые долгое время нервы.

Писать сценарии — дело счастливое и тяжёлое, а править сценарии — это совсем пытка и испытание для души.

Сейчас мучения, которые «Спасение века» доставило ему, временно закончились. Стоило чуть-чуть поправить детали, подождать новых предложений Цзоу Чуньшэна, и этот сценарий быстро будет завершён.

Будет он популярен или нет, будут ли высокие кассовые сборы — к нему это не имело отношения.

Хань Сюнь просто любил такой сценарий и не хотел, чтобы У Цзяньань и Цзоу Чуньшэн стали новой трагедией из-за трагической истории, стараясь приложить усилия для одного духовного совершенствования.

Только и всего.

Хань Сюнь шёл от сумерек до ночи, огни по обеим сторонам дороги зажглись, окутывая тёплым жёлтым светом.

Он дошёл до гигантской пайлоу за пределами улицы и обнаружил ретро-торговую улицу.

По обеим сторонам улицы стояли низкие двухэтажные павильоны, земля была вымощена каменными плитами, словно чистый уголок города.

Жаль только, что людей, гуляющих здесь, было слишком много.

<http://bllate.org/book/16443/1491265>